

ИННА

Бронская

После

ИЗМЕНЫ

АНЕСТЕЗИЯ

Для **СЕРДЦА**

Инна Вронская

**После Измены.
Анестезия для Сердца**

«Автор»

2026

Вронская И.

После Измены. Анестезия для Сердца / И. Вронская — «Автор», 2026

В ушах стучит: «Опоздаешь, опоздаешь», «Новый заведующий из Москвы собирает весь персонал», «Срочно приезжай». И вдруг — красная вспышка. Глухой удар. Дверь «Жука» с силой распахивается. Из машины выходит девушка. Высокие каблуки, обтягивающие джинсы, норковая шуба не по сезону. Она уже достаёт телефон, отворачивается, и я слышу сдавленное: — Масик, любимый, приезжай, в меня тут чучело какое-то дряхлое въехало! И Масик действительно приезжает через двадцать минут, и он оказывается моим мужем, с которым мы уже десять лет вместе. Муж изменил. Назвал фригидной, бесплодной карьеристкой, а новый заведующий отделения при всех заявил что я слабое звено в коллективе. — Ваше опоздание сегодня — не просто нарушение субординации, — начинает он. - А показатель непригодности. Я вижу растерянную женщину с заплаканными глазами, которая тащит свой личный багаж через порог больницы. Мне такой хирург не нужен!

© Вронская И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Инна Вронская

После Измены. Анестезия для Сердца

Глава 1

Сумки врезаются в ладони красными, живыми полосами. Я толкаю дверь плечом. Тихий щелчок, и я вхожу не в дом. Я вхожу в бардак. Он встречает меня молчаливым, равнодушным укором.

Пахнет затхлостью и вчерашней едой. На полу, у самой вешалки, — два грязных носка. Носки Кирилла. Скомканные, один внутри другого. Я замираю и смотрю на них. Я не просто вижу хлопок. Я вижу утреннюю спешку. Вижу, как он снимает их, не нагибаясь, одним движением ноги. Слышу своё же собственное, уже стёршееся до дыр «Кирилл, не бросай тут». И его вечное, спокойное — «потом, Кать. Сейчас голова другим забита».

Всё у нас — потом.

Отворачиваюсь. В углу, у лоджии, стоит кошачий лоток. Резкий, неприкрытый запах аммиака бьёт в нос. Маруся мяучит, трётся об ноги. Её взгляд — чистый, животный укор. Я забыла. Вчера утром, перед сменой, я ей поклялась: «Вечером, обязательно». А вечером был тот мальчик с разрывом селезёнки. Его жизнь висела на волоске, на кончике моего скальпеля. И я её удержала. А лоток... лоток остался тут.

Прохожу на кухню. Ставлю сумки на пол. Спина ноет тупой, знакомой болью. Двадцать часов на ногах. Три жизни. Три спасённые жизни. Это звучит громко. Почему же внутри — пустота и эта тяжёлая, как свинец, усталость?

На кухонном столе — крепость. Крепость из папок, распечатанных статей, исписанных листов. Две грязные чашки, ложка с засохшей каплей кофе, пустая пачка сигарет. Он клялся бросить. Кандидатская. Великий труд. Вселенское оправдание для всего: для забытых носков, для холодного ужина, для одинокой постели, для моих неслышных слёз в подушку.

Сначала университет. Потом ординатура. Теперь — кандидатская. А после... после будет что-то ещё. Всегда будет это «сначала».

Телефон в кармане куртки начинает биться. Настойчиво, резко. Я вздрагиваю. Алла. Сестра. У неё или праздник, или катастрофа мирового масштаба. Других вариантов не бывает.

С трудом вытаскиваю телефон. Палец скользит по экрану.

— Алло? — Мой голос хрипит, словно я не говорила целый день. А я и не говорила. Я отдавала команды. Чёткие, короткие. «Скальпель. Зажим. Электрокоагуляция. Не торопитесь. Дышите».

— Катька! — В трубке — взрыв. Визг, смех, слёзы — всё вместе. — Ты слышишь меня? Я беременна! Задержка! Три теста! Три, Катя! Две полоски! Я в шоке! Ты будешь тётей!

Воздух вышибает из лёгких. Тишина в квартире становится оглушительной. Я вижу гору посуды в раковине. Вижу эти носки. Вижу чашки. И всё это вдруг растворяется, расплывается в мутной пелене. Где-то там, в трёхстах километрах, в квартире моей младшей сестры, которая вышла замуж всего два месяца назад, случилось чудо. Самое простое. Самое невозможное.

— Катя! Ты чего молчишь? Ты рада? Скажи что-нибудь!

Я сглатываю. В горле стоит ком. Горячий, колючий, размером с мой кулак.

— Конечно... Конечно, рада, — выдавливаю я. Голос звучит чужим. — Поздравляю, Аллочка. Это... это замечательно.

И понеслось. Вопросы обрушиваются на меня лавиной. Где сдавать кровь? Какой анализ на ХГЧ самый точный? Кто хороший гинеколог в её городе? На каком сроке идти на УЗИ? Видно ли пол? Я отвечаю. На автомате. Мой мозг, отточенный годами учёбы и практики, выдаёт информацию порциями: чёткими, профессиональными, без эмоциональными.

— Вставать на учёт лучше до восьми недель. Попроси направление на перинатальный скрининг. Свободную бета-субъединицу ХГЧ и РАРР-А. Не пропускай.

Я говорю это, а сама смотрю в окно на тёмный двор. Вспоминаю, как мы с Кириллом, первокурсники, зубрили анатомию в общежитии, сидя на одной койке, и я шептала ему на ухо: «А у наших детей будут твои глаза. Серьёзные, умные». Он смеялся, целовал меня в макушку и говорил: «Дети? Катя, мы же только начали. Вся жизнь впереди. Сейчас выплатим ипотеку, я допишу кандидатскую и тогда посмотрим...».

Вся жизнь. Она пролетела. А детей... детей нет.

— Спасибо, сестрёнка! Ты моя умничка! Всё записала! Обниму крепко!

Связь обрывается. Тишина снова наваливается, но теперь она другая. Глубокая, пронизывающая. Я медленно опускаю телефон на стол. Руки сами находят губку, включают воду. Горячая струя обжигает кожу. Я смотрю, как тарелки в раковине покрываются пеной. Засохший соус, кусочки вчерашней еды, которую Кирилл ел один, пока я боролась за чью-то жизнь.

«Ты сегодня спасла три жизни, — говорю я себе тихо, почти беззвучно. — Три. Ты не просто женщина. Ты — хирург. Твоё призвание — спасать. Это больше, чем пелёнки. Больше, чем каша по утрам. Ты вносишь в мир нечто значительное».

Повторяю это, как мантру. Ровно, монотонно. Чтобы заглушить другой голос. Тонкий, надтреснутый голосок, который плачет где-то глубоко внутри.

Мою тарелки. Вытираю стол. Раскладываю продукты по полкам. Действия механические, отработанные за десять лет. Беру телефон. Набираю номер. Тот самый. Он выжжен в памяти, как собственное имя.

Короткие гудки. Раз, два, три...

— «Абонент временно недоступен».

Вешаю трубку. Недоступен. Конференция. Важное совещание. Срочная операция. Дежурство. Миллион причин. Я все их знаю наизусть. Они сложились в прочную стену между нами. Стену, которую я одна тащу на своих плечах.

Уборка заканчивается глубокой ночью. Квартира прибрана. Посуда блестит на полке. Кошка, наконец, довольна. Полная, убийственная тишина.

Падаю на диван в гостиной, накрываюсь пледом, пахнущим пылью. Темнота накрывает с головой, густая и вязкая, как вода.

Перед самым сном, в последнем просвете сознания, всплывает мысль.

Завтра. Завтра на работу приезжает новый заведующий. Из Москвы. Говорят, глыба. Говорят, беспощадный. Ещё один мужчина в белом халате, который будет смотреть на меня свысока. Ещё одна стена.

Но, мы с Кириллом справимся, всегда справлялись. Вместе.

Хоть и засыпаю я сегодня совершенно одна.

Глава 2

Звонок разрывает сон, как скальпель — кожу. Резкий, неумолимый, прямо в висок. Я вздрагиваю, сбрасывая с себя тяжёлое одеяло забытья. На экране — «Лидия Николаевна». Сердце падает в пятки. Вызов в больницу в семь утра в мой выходной — никогда не сулит ничего хорошего.

— Катя, родная, просыпайся! — голос старшей медсестры звучит сдавленно, будто она говорит, прикрыв трубку ладонью. — Вся верхушка срочно собирает хирургию. Планёрка через сорок минут. Приезжай.

— Что случилось? — пытаюсь прогнать хрипоту из голоса.

— Из Москвы новый заведующий прибыл. Сейчас в кабинете у главного. Хотят представить. Срочно, Катя. Ждут всех.

Вешаю трубку. Голова тяжёлая, будто налита свинцом. Всё тело ноет после вчерашнего. Я смотрю на пустую половину кровати. Простыня холодная, нет и намёка на то, что здесь кто-то спал. Кирилл. Конечно, его нет. Наверное, с ночного дежурства не вернулся. Или вернулся, но я, вырубилась, не слышала. Встретимся в больнице, думаю. Обсудим этот цирк с новым начальством хотя бы взглядом, как делали раньше, когда были одной командой.

Собираюсь на автомате. Джинсы, свитер, белый халат в сумку. Зеркало показывает бледное лицо с синяками под глазами. «Ничего, — говорю отражению. — Главное — глаза. Они должны быть ясными. Уверенными». Напудриваю синяки, наношу тушь. Маскировка. Первое, чему учится хирург, — скрывать собственную усталость. Пациент не должен видеть слабости.

На дороге — утренний поток. Мой старенький «Шевроле» скрипит на поворотах. В ушах стучит: «Опоздаешь, опоздаешь». Телефон вибрирует на панели. СМС от Лидии Николаевны: «Катя, все в сборе. Ждём только тебя. Новый шеф уже недоволен задержкой».

Чёрт. Давим на газ. Мысленно просчитываю маршрут. Объехать пробку по старой дороге у реки. Там пустынно, можно побыстрее.

Поворот. Резкий, скользкий после ночного дождя. И вдруг — красная вспышка в боковом зеркале. Глухой удар. Скрип металла. Мою машину резко бросает в сторону, к отбойнику.

Сердце замирает, потом начинает биться с бешеной частотой. Я ударилась. Я врезалась.

Сижу несколько секунд, пытаюсь отдышаться. Цепляюсь взглядом за руль. Всё в порядке. Я в порядке. Смотрю вперед. В мой передний бампер вписался задний крыло ярко-красного «Ниссана Жука». Бьюсь об заклад, это был подарок какому-нибудь «папику».

Дверь «Жука» с силой распаивается. Из машины выходит девушка. Высокие каблуки, обтягивающие джинсы, норковая шуба не по сезону. Лицо кукольное, разгневанное. Она подходит к моему окну и бьёт ладонью по стеклу.

— Эй, ты! Вылезай! Совсем охренела за рулём? Ты что, слепая курица?

Я опускаю стекло. Холодный воздух бьёт в лицо.

— Я вызвала ДПС, — говорю я максимально спокойно, профессиональным тоном, каким говорю с истеричными родственниками. — Составим евро протокол, не волнуйтесь.

— Волнуюсь! — она кричит так, будто её режут. — Ты посмотри, что ты сделала с моей ласточкой! Масик меня убьёт! Сейчас позвоню ему, он всё разрулит!

Она уже достаёт телефон, отворачивается, и я слышу сдавленное: «Масик, приезжай, меня тут чучело какое-то дряхлое въехало...».

Масик. Какое-то пошлое, слащавое прозвище. У меня сводит желудок от раздражения. Я тоже достаю телефон. Надо позвонить в больницу, предупредить. Но пальцы дрожат. Я не могу выбрать: ждать гаишников или мчаться на собрание, рискуя лишиться места, которое с таким трудом отвоёвывала у мужчин.

Минуты тянутся, как смола. Я стою на холодном ветру, слушая, как эта «ласточка» ноет в трубку. Проходит двадцать минут. И вот, на дороге появляется знакомый серебристый внедорожник. «Тойота».

Машина притормаживает. Девушка взвизгивает от радости и бежит к ней.

— Масик! Наконец-то! Смотри, что со мной сделали!

Дверь внедорожника открывается. Из неё выходит Кирилл. Мой муж. В своих дорогах замшевых полусапожках, в той самой куртке, которую я выбирала ему на день рождения. Он видит девушку, и его лицо расплывается в успокаивающей, снисходительной улыбке. Улыбке, которую я не видела у себя дома уже годы. Он берёт её за руку, притягивает к себе, целует в макушку. Слышу его голос, низкий, бархатный, каким он говорил мне когда-то:

— Успокойся, солнышко. Сейчас во всём разберёмся.

Он обнимает её за плечи, поворачивается, чтобы оценить повреждения. И его взгляд встречается с моим.

Всё замирает. Шум дороги, свист ветра, голоса — всё стихает. Я вижу, как кровь отливает от его лица. Как его глаза, только что тёплые, становятся стеклянными от ужаса. Как его рука медленно опускается с плеча той девушки.

Мы стоим и смотрим друг на друга через разбитое стекло. Через руины.

Он что-то говорит. Шевелит губами. «Катя...». Но звук до меня не доходит.

Я чувствую, как немеют губы. Как холод, сковывавший всё тело снаружи, проникает внутрь и замораживает душу. Всё встаёт на свои места. Все его «дежурства», «конференции», «ночные срочные операции». Все его отключенные телефоны и холодная половина кровати.

Смотрю прямо на него. Голос звучит ровно, странно спокойно, будто это говорю совсем не я.

— Вот и Масик приехал.

Кирилл вздрагивает, будто от удара. Девчонка в его объятиях замирает, смотрит на меня, потом на него, и в её глазах мелькает понимание, а потом — наглое, победное любопытство.

А я просто сижу. И чувствую, как по щеке, предательски, против моей воли, скатывается одна-единственная, ледяная слеза.

Глава 3

Кирилл стучит по стеклу.

Кулаком.

Тук-тук-тук.

Звук глухой, далёкий.

Я не двигаюсь. Сажу, смотрю прямо перед собой на смятый бампер. Вижу в стекле его отражение – искажённое, беспокойное. Оно словно плавает на поверхности воды. Он стучит снова. Настойчивее.

Я вздыхаю. Дышу медленно, как меня учили – чтобы не паниковать в операционной. Опускаю стекло. Холодный воздух врывается внутрь. С ним – его голос. Сдавленный, липкий от лжи.

– Катя. Послушай. Это... это не то, что ты думаешь. Она просто... Я её просто успокаивал. Она знакомая. У неё стресс...

Говорит. Говорит слова. Я их слышу, но они не складываются в смысл. Звучат, как шум вентиляции в больничном коридоре – фон, который давно никто не замечает. Я поворачиваю голову. Смотрю прямо на него. Вижу его испуганные глаза. Глаза, в которых нет ни капли раскаяния. Только страх разоблачения. И злость. На меня. За то, что я тут, за то, что увидела.

– У меня сейчас важное совещание, Кирилл, у главного врача, – говорю я. Голос ровный, холодный, как сталь инструмента. – Я опаздываю. И могу лишиться работы. Я не хочу тебя слышать.

Отворачиваюсь. Поднимаю стекло. Оно плавно, с тихим шипением, отделяет меня от него. От его мира. От этой девчонки в шубке, которая смотрит на меня с любопытством и злорадством.

Включаю передачу. Нога сама давит на газ. Машина дёргается, вздрагивает и трогается. В зеркале вижу, как он остаётся стоять посреди дороги. Руки опущены. Фигура уменьшается, превращается в точку. А потом исчезает.

И только тогда начинается. Дрожь. Сначала – в руках. Они пляшут на руле, норовят сорваться. Я сжимаю баранку так, что кости болят. Потом подступает к горлу. Ком. Горячий, огромный. Я глотаю воздух, но он не проходит. Щёки горят. Глаза наполняются водой. Нет. Нет. Не сейчас.

Я нахлобучиваю очки на лицо. Темные линзы скрывают мир. И в этом полумраке по щекам, наконец, текут слёзы. Тихие, яростные, беззвучные. Я веду машину сквозь них. Сквозь эту водяную пелену боли и стыда. «Не сейчас, – шепчу сквозь стиснутые зубы. – Соберись. Тебя ждёт работа. Ты – хирург. Ты должна быть сильнее».

Больница.

Паркуюсь как попало, бросаю машину. Бегу по длинным, знакомым до тошноты коридорам. Белые стены, запах хлорки и несчастья. Мои шаги гулко отдаются в пустоте.

Конференц-зал. Дверь.

Скрип. Громкий, пронзительный, как крик. Я вхожу. Все оборачиваются. Двадцать пар глаз. Мужских глаз. Коллег. Соперников. Тех, кто всегда ждал моего провала.

Главный врач, Иван Петрович, стоит у доски, прервав свою речь. Смотрит на меня с немым укором. Я пробираюсь вдоль стены, стараясь стать невидимкой, сжаться в комок. Но я чувствую на себе тяжесть этих взглядов. И один – новый, незнакомый, самый тяжёлый – буравит меня в затылок.

Я сажусь на свободный стул в последнем ряду, опускаю голову. Слышу, как Иван Петрович, кряхтя, продолжает.

– ...а поэтому, коллеги, представляю вам нового заведующего хирургическим отделением. Вадим Сергеевич Ланской. Из московского Центра им. Вишневского. Надеюсь, его опыт...

Я не слушаю. Я пытаюсь дышать. Протираю под очками мокрые щёки. Глупо. Бесполезно. Все уже всё видели.

И тогда раздаётся Голос.

Он не громкий. Но он режет тишину, как алмазный скальпель – плоть. Низкий. Глубокий. Наполненный такой немислимой, спокойной силой, что мурашки бегут по спине.

– Благодарю, Иван Петрович.

Я поднимаю взгляд. И вижу Его.

Он стоит у доски, слегка прислонившись к ней бедром. Не в белом халате, а в идеально сидящем тёмно-сером костюме. Он высокий. Наполняет собой всё пространство. Широкие плечи, узкие бедра. Сила, собранная, сконцентрированная, под чёрной тканью. Руки скрещены на груди. Руки хирурга – длинные пальцы, широкие ладони. Лицо... Лицо, высеченное не из мрамора, а из чего-то более твёрдого, вечного. Резкие скулы, твёрдый подбородок с едва заметной ямочкой, узкие губы. Волосы – тёмные, короткие, с проседью у висков. Эта проседь – единственная уступка времени, и она не смягчает его, а делает ещё опаснее. И глаза. Серые. Холодные, как лёд в январе. Он медленно обводит ими зал, и этот взгляд, кажется, взвешивает, оценивает и сразу выносит приговор каждому.

И этот взгляд останавливается на мне.

На моих спрятанных за очками глазах. На моём, наверное, до сих пор вздрагивающем подбородке. Он изучает меня. С ног до головы. Медленно, без стыда. Как предмет. Неудачный предмет.

Иван Петрович что-то бормочет, пытаясь сгладить неловкость моего появления. А Ланской просто смотрит. Потом его губы слегка трогает что-то. Не улыбка. Тень чего-то, что могло бы быть усмешкой.

– Полагаю, это и есть наше последнее звено, – говорит он. Голос не повышает. Но каждое слово падает, как увесистый камень. – Доктор... Преображенская, если не ошибаюсь? Та самая женщина-хирург, о чьих «уникальных методиках» мне уже успели шепнуть.

В зале кто-то сдержанно хихикает. У меня горят щёки. Я сжимаю руки под столом в кулаки.

– В моей практике, – продолжает он, не отрывая ледяных глаз от меня, – пунктуальность – не просто формальность. Это первое правило выживания на операционном столе. И для пациента, и для хирурга. Опоздание на десять минут – это десять минут ишемии. Это невымытые до локтей руки. Это разболтанная дисциплина.

Он делает паузу. В зале мёртвая тишина. Даже Иван Петрович смолк.

– Я вижу, вы пытаетесь что-то скрыть за тёмными стёклами, доктор, – говорит Ланской, и его голос становится тише, но от этого лишь ядовитее. – Слезы? Нервы? Личные проблемы?

Я замираю. Хочется провалиться. Исчезнуть.

– Помните раз и навсегда, – его слова режут воздух, острые и неоспоримые. – Моё отделение – не спа-салон для излишне эмоциональных особ. Это фронт. Здесь нет места сантиментам и разборкам с мужьями или любовниками за дверью. Ваша личная жизнь должна оставаться за порогом этой больницы.

Он отводит от меня взгляд, будто только что вынес мусор. Поворачивается к доске. Берёт маркер.

– Продолжим. Первое, что мы меняем – график дежурств.

Он говорит дальше. А я сижу. Не дышу. Сквозь тёмные стёкла очков на тетрадь передо мной падают две круглые, мокрые капли. От стыда. От бессильной ярости. И от чего-то ещё...

какого-то дикого, запретного трепета, который пробежал по спине от звука его голоса. От этой нечеловеческой, пугающей силы.

Собрание заканчивается.

Ноги несут меня к выходу. Коллеги толпятся, идут мрачной стеной и перекрывают доступ к спасительной двери. Но не успеваю я преступить порог, как ледяной голос позади меня говорит:

- Екатерина Сергеевна, прошу зайдите в мой кабинет. Сейчас же.

Глава 4

Я медленно поднимаюсь по лестнице, чувствуя, как каждый шаг отдается в висках. Что он может сказать нового после той публичной порки? Уволить? Невозможно, у меня контракт. Но испортить жизнь — запросто.

Кабинет прежнего зава был уютным, захламленным: фотографии внуков на столе, засохшая герань на подоконнике, стопки старых журналов. Кабинет Ланского — другой. Я останавливаюсь на пороге. Это не кабинет. Это штаб. Стеклянный стол, на нем — только компьютер, телефон и стерильно чистый блокнот. Ни одной личной вещи. Ни одной фотографии. Ни одного намека на то, что у этого человека есть жизнь вне этих стен. Словно он материализовался здесь прямо из воздуха, из стали и льда. Словно он и есть эта комната.

Он сидит спиной к окну, и свет за ним делает его фигуру силуэтной, массивной. Он не смотрит на меня. Пишет что-то. Дает мне время осмотреться, прочувствовать эту пустоту, эту безличную мощь.

— Войдите и закройте дверь, доктор Преображенская, — говорит он, не поднимая головы. Голос — ровный, лишенный интонаций, как дикторский текст.

Я выполняю. Закрываю дверь. Звук щелчка кажется неестественно громким. Стою в двух метрах от стола, как провинившаяся школьница. Молчание тянется. Я смотрю на его руки. Большие, с четкими сухожилиями на тыльной стороне. Спокойные. Подчиняющиеся только ему.

Наконец, он откладывает ручку. Поднимает на меня глаза. Те самые, серые и бездонные. Они скользят по мне с головы до ног — медленно, оценивающе. Как будто я — сложный случай, требующий диагностики. В этом взгляде нет ничего личного. Только холодный анализ. Такого взгляда я никогда не встречала. Кирилл смотрел на меня с привычкой, с усталостью, иногда — с раздражением. Но так... так, будто видит насквозь, будто снимает слой за слоем, — никогда. Я чувствую, как под этим взглядом учащается пульс. И ненавижу себя за это.

— Садитесь, — указывает он на стул. Не предлагает. Приказывает.

Я сажусь. Спина прямая, руки сложены на коленях. Жду.

— Ваше опоздание сегодня — не просто нарушение субординации, — начинает он. Говорит тихо, но каждое слово имеет вес свинца. — Это показатель. Показатель расхлябанности. Несобранности. В операционной такие качества убивают. Я не вижу в вас собранности, доктор Преображенская. Я вижу растерянную женщину с заплаканными глазами, которая тащит свой личный багаж через порог больницы. Мне такой хирург не нужен.

Каждая фраза — как пощечина. Точная, хлесткая. Голос не повышается. Он остается таким же ровным, глубоким, и от этого — еще более унижительным.

— Я не опаздываю обычно, — вырывается у меня. Голос звучит тоныше, чем я хотела. — Сегодня были чрезвычайные обстоятельства.

— Чрезвычайные обстоятельства, — он повторяет мои слова, и они звучат в его устах глупо и по-детски. — Не выключили утюг? Муж задержал в объятиях? В моем отделении чрезвычайное обстоятельство — это пациент на грани. Все остальное — слабость. И мне не нужны слабые хирурги. Особенно женщины-хирурги, которые и так постоянно что-то доказывают.

Он откидывается в кресле. Скрещивает руки на груди. Мышцы плеч напрягаются под белой рубашкой. Он изучает меня.

— Вы считаете себя хорошим хирургом?

Вопрос — ловушка. Если скажу «да», — самонадеянная дура. Если «нет» — зачем я тут?

— Я считаю себя компетентным хирургом, — осторожно говорю я. — Спасла много жизней.

— Компетентным, — он произносит это слово с легкой, язвительной задумчивостью. — Компетентность — это минимум. Мне нужны не компетентные. Мне нужны блестящие. Хирурги с железными нервами и холодным рассудком. Скажите, вы способны отключить все эмоции, когда держите скальпель? Или ваши «чрезвычайные обстоятельства» будут мелькать у вас перед глазами вместо операционного поля?

Он говорит, и я не могу отвести взгляд от его рта. От жесткой линии губ. От того, как двигается его челюсть. В нем столько... мужской силы. Концентрированной, дикой, абсолютно подконтрольной ему самому. Он — хищник. Атласный, вышколенный, но хищник. И я, к своему ужасу, чувствую не только страх и ненависть. Я чувствую древний, животный отклик где-то в самой глубине. Пульсацию. Интерес. Такого я не знала никогда. В моей жизни был только Кирилл. Мальчик, потом мужчина, потом... просто привычка. А это... это другое. Это опасно.

— Я умею концентрироваться на работе, — говорю я, заставляя свой голос звучать твердо. — Мои личные проблемы останутся за дверью операционной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.